

Д. Л. Константиновский

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЁЖЬ В ФОРМИРОВАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА¹

*Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 16-18-10420
«Непрерывное образование и наукоёмкие производства: институты и практики взаимодействия»*

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5519

Константиновский Давид Львович — доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН. 117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: scan21@mail.ru

Тел.: +7 (499) 128 69 01

Аннотация. В статье рассматривается массовое присутствие молодёжи в сферах образования и труда, которое интерпретируется как социальная активность, являющаяся важным ресурсом для успешного формирования и использования интеллектуального потенциала, без чего невозможно создание инновационной экономики. Показано, что охват молодёжи профессиональным образованием значительно увеличился; нынешний уровень достигнут впервые и свидетельствует о возникновении новой ситуации, влияющей на многие стороны жизни общества. Доля молодёжи, занятой на рынке труда, несколько снизилась в связи с тем, что молодёжь младшей и средней возрастных групп получает профессиональное образование; уровень экономической активности 25–29-летних близок к тому, какой наблюдается у людей более старших возрастов. Присутствие молодёжи в структуре рабочей силы имеет сходный характер. Отмечается, что реструктуризация занятости молодёжи — одна из существенных перемен на рынке труда в постсоветский период. Численность молодёжи там, где ранее она была в основном занята, резко сократилась; чутко улавливая перемены, молодёжь массово пришла в более привлекательные, быстро развивающиеся отрасли, отказавшись от прежних предпочтений. Рассмотрена проблема неформальной занятости. Доля неформально занятой молодёжи за десятилетие 2006–2015 гг. практически не изменилась, при этом младшая группа (15–19 лет) представлена здесь значительно больше. Безработица среди молодёжи, как и в других странах, выше, чем в прочих возрастных группах населения: сказываются трудности первого выхода на рынок труда, сложности самоопределения, отсутствие согласованности сферы образования и рынка труда. Видна зависимость уровня безработицы от уровня образования. В целом приводимые данные подтверждают значимость социального поведения молодёжи для перспектив инновационного развития.

Ключевые слова: молодёжь, образование, интеллектуальный потенциал, инновационное развитие, рынок труда.

¹ Публикация продолжает тематику статьи Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Интеллектуальный потенциал, инновации и образование (Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 4. С. 36–60). В подготовке статьи принимали участие М. Н. Горяинова и Л. И. Мешкова.

Доминирующими движителями национального развития стали в современном мире формирование и использование интеллектуального потенциала. Они обуславливают возможности адекватно отвечать на изменения внешней среды и занимать достойное место на международном уровне. Это касается как разработки инновационных технологий, создания наукоёмких производств, так и совершенствования социальных процессов на основе их анализа и прогнозирования. Таков новый вызов, который требует разносторонних усилий, направленных на уяснение нынешнего состояния и перспектив развития интеллектуального потенциала.

Приоритетная роль интеллектуального потенциала в национальном развитии, придавая особенную актуальность его изучению, определяет значимость таких исследований и влияние их результатов на развитие многих других отраслей социологического знания. При этом внимание обращается не только на достигнутый уровень интеллектуального потенциала, но и на внутренний динамизм и способность к саморазвитию.

В этой проблематике особое внимание привлекают аспекты, связанные с молодёжью. Это объективно обусловлено тем местом, которое молодёжь занимает в нынешнем обществе, и ролью, которую сегодняшнее молодое поколение станет играть в будущем. Формирование интеллектуального потенциала при этом неизбежно связывается с социальным поведением молодёжи в сфере образования, поскольку и обретение знаний, квалификаций, и прохождение активной фазы вторичной социализации приходится в основном на молодой возраст.

Формирование интеллектуального потенциала само по себе ещё не обеспечивает успешного развития. Он должен использоваться, проявлять себя; в частности, важно его применение в национальной экономике, в придании ей инновационного характера. Это невозможно без ряда условий, среди которых одно из первых – достойное кадровое обеспечение. Использование интеллектуального потенциала также в значительной степени оказывается связанным с молодёжной проблематикой, поскольку социальное поведение молодёжи на рынке труда в немалой степени определяет общую картину экономической жизни страны.

В современной мировой социологии интенсивно развиваются исследования интеллектуального потенциала и проблем его формирования и использования. Фундаментальные проблемы рассмотрены в трудах Т. И. Заславской [Заславская, 2005]. Целый ряд работ связывает формирование интеллектуального потенциала со сферой образования (напр., [Little, 2000; Landorf et al., 2008; Boni, Gasper, 2012; Горбунова, Гегамян, 2013; Костылева, Толмачёва, 2015]). Весьма многочисленные исследования посвящены различным аспектам использования интеллектуального потенциала в инновационной деятельности в современной экономике (напр., [Shulruf et al., 2007; Титова, 2010; Человеческий потенциал..., 2011; Gylfason, 2001; Зосимова и др., 2016]). Российская специфика формирования и использования интеллектуального потенциала, в том числе связанная с социальным поведением молодёжи, более конкретно, чем в упомянутых публикациях, рассма-

тривается в ряде исследований отечественных авторов (см., напр.: [Соболева, 2007; Лебединцева, 2012; Иванов, 2012; Слободчикова, Боджаева, 2015 и др.]); подробный анализ поведения молодёжи в сферах образования и труда сделан Г. А. Чередниченко [Новые смыслы..., 2015: 18–61].

Социальное поведение молодёжи в сфере образования и на рынке труда, обусловленное факторами объективными и субъективными (которые, в свою очередь, обусловлены объективно), выступает существенным ресурсом, которым обладает страна. В данной статье представлена информация относительно образования и труда молодёжи и предлагается интерпретация данных.

Профессиональное образование в значительной степени определяет состояние интеллектуального потенциала. Отдавая должное вкладу старших поколений в структуру интеллектуального потенциала, нельзя не признать, что сегодня наибольший вклад в его формирование вносит молодёжь. Особенно это относится к образованию высокой квалификации.

Данные рис. 1 позволяют составить представление об охвате высшим и средним профессиональным образованием молодёжи соответствующих возрастов. Как видно из представленных показателей, происходил взрывообразный рост охвата программами высшего образования. По данным последней переписи, дипломы вузов год от года получала всё большая доля молодёжи [Сводные итоги..., 2010].

Рис. 1. Охват молодёжи образовательными программами среднего и высшего профессионального образования, 2000–2015 гг., %¹

Источник: [Индикаторы образования, 2017: 127, 132, 142].

¹ Отношение численности обучающихся по образовательным программам к численности населения в возрасте 15–17 лет для программ подготовки квалифицированных рабочих, служащих; 15–19 лет для программ подготовки специалистов среднего звена; 17–25 лет для программ высшего образования.

Наибольшее воздействие, несомненно, оказало изменение требований рынка труда: работодатели нуждаются для квалифицированного труда в специалистах высокой квалификации, а для работы по массовым профессиям – в молодых людях с более или менее основательной социализацией. То и другое приобретается в вузах (первое – обучением, второе – временем пребывания). Соответственно это определяет и положение работников: обладатели вузовских дипломов получают весомую «премию за образование» и меньше подвержены рискам безработицы [Образование..., 2014: 90, 82]. Потребности рынка труда, трансформированные семьями, транслировались в сферу образования. Вузы ответили на этот спрос – как возможностями поступления, так и по структуре специальностей и качеству обучения. Отчасти сказалось и то, что носит название «отложенного спроса». В советский период деятельность вузов была жёстко регламентирована; теперь же они получили значительно бóльшую самостоятельность, а интерес к получению высшего образования, порой заметно снижавшийся в годы экономических затруднений, возродился. Приём в вузы интенсивно рос год от года и стал уменьшаться лишь в последнее время, согласуясь с уменьшением выпуска из школ в связи с демографическим спадом. При этом все социальные группы потенциальных абитуриентов повышали частоту поступления в вузы, особенно в последние годы, когда выпуск из школ уменьшался, а вузы сокращали количество мест на первых курсах не столь же интенсивно; в результате создалась особенно благоприятная ситуация для поступления [Konstantinovskiy, 2017].

Неуклонно увеличивался и охват программами подготовки специалистов среднего звена. Это не противоречит тенденции повышения интереса к получению вузовских дипломов. Доступность поступления и более краткий, чем в вузе, период между поступлением и выходом на рынок труда – значительное преимущество программ подготовки специалистов среднего звена, особенно важное для подростков из «слабых» семей, нуждающихся в заработке. Притом прохождение программ подготовки специалистов среднего звена не отменяет и не затрудняет возможности продолжения образования в вузе (до последнего времени – без прохождения ЕГЭ), что нередко и намерены окончившие эти курсы делать на вечерних отделениях вузов, не покидая рынка труда, а совмещая учёбу с работой¹. Таким образом, эти программы создают благоприятные (а возможно – и преимущественные) возможности для самореализации. Программы же подготовки квалифицированных рабочих и служащих постепенно теряли популярность, не выдерживая конкуренции с другими программами в ситуации, когда облегчалось поступление на них; но также внося вклад в формирование интеллектуального потенциала.

В целом данные, соответствующие 2010 г. и последующим годам, свидетельствуют, что охват профессиональным образованием значительно увеличился и превысил уровень прежних десятилетий. Такие величины достигнуты впер-

¹ Программы подготовки специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих, служащих подробно рассматриваются в статьях А. Т. Гаспаришвили и Н. В. Латовой [Гаспаришвили, 2016; Латова, 2016].

вые и свидетельствуют, что возникла новая ситуация: молодые люди появляются на рынке труда, почти всегда имея (фактически или формально) профессиональное образование. Конечно, такая перемена обусловлена не только происходящим в сферах образования и труда, но и другими социальными процессами и, со своей стороны, воздействует на многие стороны жизни общества.

Те, кто обрёл в образовательной организации высокую квалификацию, и те, кто получил образование невысокого или низкого качества, а то и лишь прошёл за годы пребывания тренинг, дающий соответствующую социализацию, получают одинаковые дипломы или иные документы – одинаково выглядящие, но фактически свидетельствующие о разном. Как это соотносится с формированием интеллектуального потенциала? Конечно, вклад в интеллектуальный потенциал происходит при этом разный. Он отличается и по разновидности, и по весомости. Однако, думается, не следует пренебрежительно относиться к любому вкладу. И там, где формальными свидетельствами удостоверено не столько владение профессиональными знаниями, сколько наличие навыков, полученных в результате социализации за время пребывания в образовательной организации, – там также, несомненно, происходит приращение интеллектуального потенциала. Не такого содержания, качества и объёма, какой предполагается, например, в классическом понятии высшего образования. Тем не менее и он имеет свою ценность – отличную от других, возможно, очень специфическую; и, как правило, находит применение. Рынок труда чрезвычайно разнообразен, его потребности настолько дифференцированы, что он кажется «всеядным». Однако он и разборчив; он нечувствителен к однообразию сертификатов. Работодатель обычно знает, какой работник, с какими качествами, ему нужен; кадровики (как бы они теперь ни назывались, HR-менеджеры или иначе) представляют себе, где и как учат; в результате рынок труда расставляет всё по местам, и выпускник образовательной организации реализует то, что имеет. Выбор образовательной организации и усилия, вкладываемые в учёбу, в значительной степени определяют будущую профессиональную (и не только) траекторию.

Занятость молодёжи в национальной экономике складывалась под воздействием множественных изменений, происходивших в стране. Современная российская модель рынка труда во многом отличается от той модели, которая долгое время существовала в советский период. Сказались не только экономические и другие условия формирования рынка труда, но и перемены в функционировании других социальных институтов, в частности сферы образования, и, что важно

не менее всех иных обстоятельств, — сами работники также отчасти стали иными. Значительно поменялись отраслевое содержание экономики, набор и характеристики профессий, востребуемых рынком труда, требования к работникам. Всё это не могло не затронуть в первую очередь молодёжь, её положение в сфере труда, выбор ею — под влиянием объективных обстоятельств и с возможным учётом субъективных склонностей — вариантов как образовательных, так и трудовых траекторий.

Данные статистики позволяют проследить изменения, произошедшие в занятости молодёжи за 2006–2015 гг. (см. рис. 2).

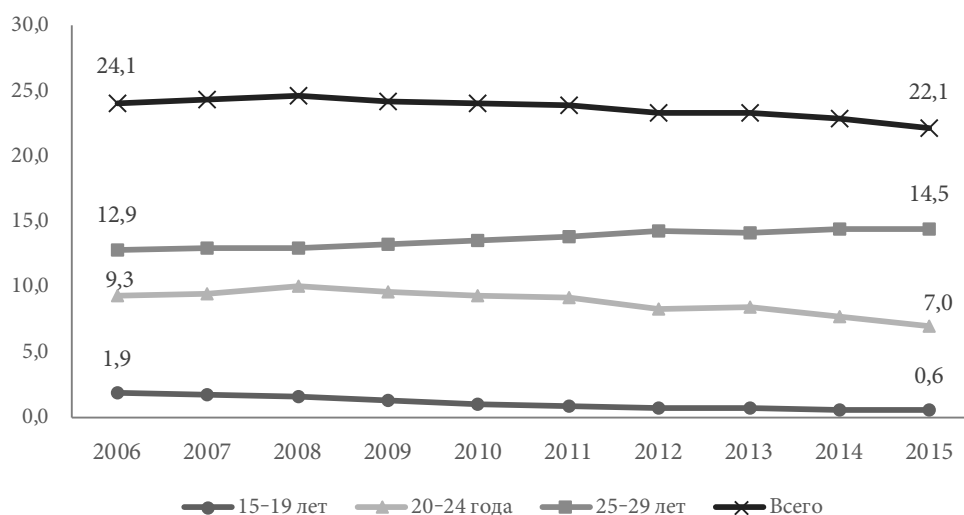

Рис. 2. Динамика изменения занятости молодежи, 2006–2015 гг., в % от общей занятости

Источник: [Рабочая сила., 2016: 34].

Доля молодежи, занятой на рынке труда, несколько снизилась за десятилетие: с 24,1 до 22,1%. То, что молодые люди появляются на рынке труда, почти всегда имея профессиональное образование (как отмечалось выше), означает, что они выходят на рынок труда позднее: получение профессионального образования требует времени. Статистически это видно по тому, что уменьшились доли молодежи средней (с 9,3 до 7,0%) и младшей, и ранее мало представленной (с 1,9 до 0,6%), возрастных групп: эта молодежь занята учёбой и реже стала выходить на рынок труда. Время, затрачиваемое на получение образования, необходимого для комфортного функционирования на рынке труда, увеличилось.

Следует ли из этого, что рынок труда теряет от того, что молодежь этих возрастов не участвует в нём? Нет, рынок труда в перспективе выигрывает: он получает рабочую силу, обладающую полученными в сфере образования квалификацией и социализацией. Доля занятых среди старшей возрастной группы по-

степенно увеличивается ежегодно (за 10 лет – с 12,9 до 14,5%). В целом молодых людей в возрасте 15–29 лет, занятых в национальной экономике, в 2015 г. стало 15 957 тыс. человек [Рабочая сила..., 2016: 32].

Всего в национальной экономике в 2015 г. было занято 72,4% молодёжи 15–29 лет. Информация об уровне занятости молодёжи в процентах от численности возрастных групп позволяет уточнить и конкретизировать выводы, сделанные выше. Уровень занятости молодёжи младшего возраста (15–19 лет) и был невысок, а затем, по сравнению с серединой 2000-х гг., снизился практически вдвое – с 11,3 до 5,9%; большинство этих юношей и девушек учатся в школе или получают специальность в сфере профессионального образования. Половина молодёжи в возрасте 20–24 лет также занята учёбой. А вот 25–29-летние (те, кто учился в сфере профессионального образования, почти все вышли из учебных заведений) уже на рынке труда, уровень их экономической активности близок к тем, какие наблюдаем у более старших возрастов – 82,4% [Рабочая сила..., 2016: 34].

В младшей возрастной группе наибольшее число занятых в экономике – обладатели среднего общего образования, они вышли на рынок труда по окончании школы (см. таблицу 1). В средней возрастной группе это молодые люди, прошедшие обучение по программам подготовки специалистов среднего звена; чуть меньше тех, кто получил высшее образование и среднее общее, ещё меньше окончивших обучение по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих. Старшая возрастная группа представлена преимущественно получившими дипломы вузов. Данные показывают, насколько интенсивно с возрастом происходит овладение образованием; и прежде всего, как и следовало ожидать, высшим.

Таблица 1

Численность занятой молодёжи по уровню образования, 15–29 лет, тыс. чел.

Уровень образования/квалификации	Возраст, лет		
	15–19	20–24	25–29
Имеют высшее образование	0,2	1267	4339
Специалисты среднего звена	38	1398	2334
Квалифицированные рабочие, служащие	54	914	1730
Имеют среднее общее образование	206	1254	1744

Источник: [Рабочая сила..., 2016: 38].

За рассматриваемое десятилетие изменилась и *включённость молодёжи в сферу труда* (см. рис. 3). Эти изменения аналогичны тем, что рассматривались выше, связаны с ними и произошли по тем же причинам. Доля молодёжи в структуре рабочей силы¹ менялась сходным образом.

¹ Под рабочей силой в данном случае понимаются лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период считались занятыми или безработными.

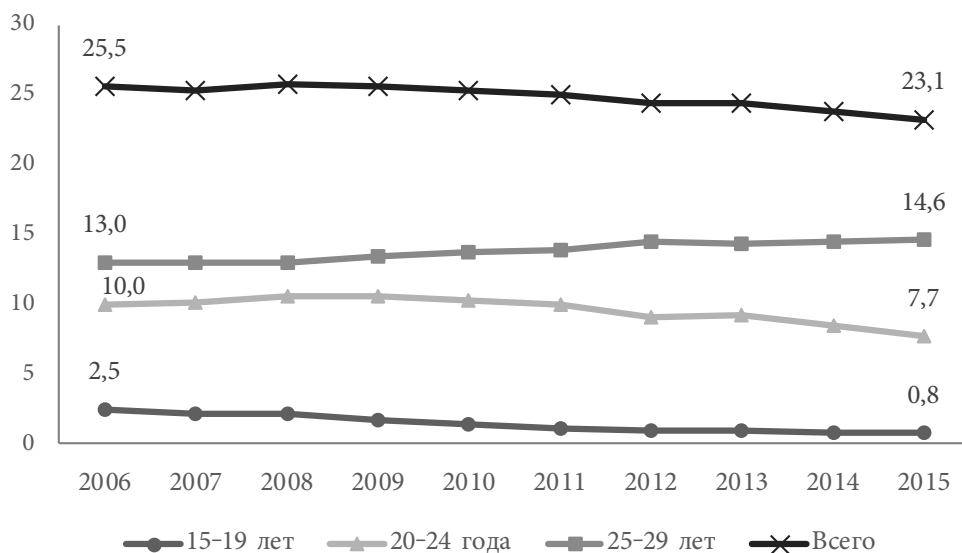

Рис. 3. Динамика изменения доли молодёжи в структуре рабочей силы, 2006–2015 гг., в % от общей численности рабочей силы

Источник: [Рабочая сила..., 2016: 20–21].

В младшей возрастной группе (15–19 лет) доля экономически активных, и раньше малая, упала за десятилетие более чем в три раза (с 2,5 до 0,8%), в когорте 20–24-летних также снизилась (с 10,0 до 7,7%), а у молодёжи 25–29 лет несколько выросла (с 13,0 до 14,6%); показатель для этой группы стал близок к тому, то фиксируется в старших, наиболее экономически активных группах. В целом доля молодёжи уменьшилась, однако осталась в 2015 г. близкой к четвертой части всей рабочей силы страны.

Сходным образом изменился и показатель уровня участия молодёжи в рабочей силе (в % от численности возрастных групп). Он снизился в младших возрастных группах (особенно у 15–19-летних – почти вдвое: с 15,5 до 8,7%), но вырос в старшей (до почти предельного значения – 87,9%). К 2015 г. в целом в составе рабочей силы были представлены три четверти российской молодёжи [Рабочая сила..., 2016: 23].

Существенные перемены на рынке труда в постсоветский период проявились в *реструктуризации занятости молодёжи*. Ранее молодёжь была ресурсом мобильной и дешёвой рабочей силы, которую принято было использовать для выполнения непривлекательных работ, например в строительстве, сельском хозяйстве. Именно с низких профессиональных позиций в этих отраслях начинался обычно трудовой путь молодого человека. Трансформационные процессы вызвали в национальной экономике переключение с преимущественного производства

материальных благ на рост производства услуг. Молодёжь — группа, чутко улавливающая перемены, и она стала уходить из традиционно развитых отраслей в новые. В этом ей помогли преимущества перед старшими поколениями, оказавшиеся значимыми. Произошло массовое обесценение человеческого капитала старших поколений: многие навыки, дипломы и профессиональные позиции девальвировались при отраслевой перестройке экономики. Старшие должны были либо переквалифицироваться, чтобы удовлетворять новым запросам (происходили переобучение, переквалификация, массовая смена профессий и секторов занятости), либо уступать дорогу молодым, сразу ориентировавшимся на перспективные позиции. Молодые люди сразу обретали необходимые навыки и квалификации, а вслед за этим занимали места в быстро развивающихся секторах национальной экономики, на жизнеспособных предприятиях. Численность молодёжи там, где она была в основном занята прежде, сократилась практически наполовину с 1985 г. к 2004 г.: например, в промышленности с почти 40% до чуть более 20%. И наоборот, молодёжь массово пришла в сферу услуг; например, в торговле и общественном питании её доля выросла за тот же период также вдвое — с менее чем 1/10 до более 1/5 [Народное хозяйство..., 1989: 32–33, 42; Труд и занятость..., 2005: 72].

Преимущественная представленность молодёжи в различных видах экономической деятельности¹ в 2015 г. показана на рис. 4 (приведены данные по видам экономической деятельности, в которых более 20% работников — молодёжь).

Чаще, чем работников других возрастов, молодых людей встречаем в финансовой сфере, гостиничном и ресторанном бизнесе, в оптовой и розничной торговле, оказании бытовых и личных услуг. В здравоохранении и предоставлении социальных услуг, а также образовании доля молодёжи меньше (15,3 и 15,8% соответственно), меньше она и в ряде других отраслей: в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (16,3%) и сельском хозяйстве, охоте, лесном хозяйстве (17,8%). Естественно, что молодые работники представлены главным образом возрастной когортой 20–29 лет.

Обращает на себя внимание следующая особенность реструктуризации: трезво оценивая происходящие перемены, молодёжь отвернулась от тех сфер, которые прежде были для неё наиболее привлекательны, и массово покинула их. Ранее самыми привлекательными молодые люди называли профессии учёных, инженеров, высоко ценили профессии преподавателя вуза, врача [Шубкин, 1970: 280–287]. А в 2000-х гг. иерархию привлекательности возглавили бизнесмен и банковский работник [Новые смыслы..., 2015: 140]. Выбор профессиональной траектории приобрёл совершенно новый характер [Натхов, Полищук, 2012].

Другая особенность реструктуризации — растущая занятость молодых людей в торговле и предоставлении простых услуг. Это зачастую означает для молодёжи выполнение малоквалифицированной работы, не предполагающей профессиональный рост и не стимулирующей юношей и девушек к повышению образования.

¹ Обращаясь к отечественной статистике, мы пользуемся принятыми в ней структурой и наименованиями видов деятельности.

Имеющиеся квалификации оказываются невостребованными: на разных должностях в сфере обслуживания оказалось много специалистов с высшим образованием, очевидно, не воспользовавшихся приобретёнными знаниями. Сокращение же занятости молодёжи в промышленности, происходящее одновременно, означает уменьшение численности молодых работников на должностях, предполагающих наличие и совершенствование образования и использование его. Впрочем, и то, и другое не может быть поставлено в укор молодым людям, они следовали за меняющейся ситуацией. Реструктуризация занятости молодёжи отражает процессы, происходящие в национальной экономике и в целом в нашем обществе.

Рис. 4. Молодёжь в различных видах экономической деятельности, 2015 г., в % от численности занятых по отраслям

Источник: [Рабочая сила., 2016: 54].

В России, как и в других странах, *безработица* среди молодёжи больше, чем в других возрастных группах. Сказываются трудности первого выхода на рынок труда, сложности самоопределения, а также отсутствие согласованности сферы образования и рынка труда.

Динамика уровня безработицы молодёжи в течение рассматриваемого десятилетия в основном повторяла процессы, общие для всего населения: экономическая конъюнктура воздействовала универсально. Доля старших возрастных групп молодёжи в общем числе безработных¹ становилась немногим больше, младшей – заметно меньше; в частности, демографические процессы сокращали её общую численность.

Очевидна специфика изменений, свойственная каждой возрастной группе (см. рис. 5). Наибольшие проблемы возникали у самых младших, имеющих наименьший уровень образования и опыта, – юношей и девушек, выходящих на рынок труда после школы, технического лицея или училища, колледжа; это проявлялось как в величине безработицы, так и в её волатильности. С возрастом, с увеличением доли получивших более высокое образование, профессию, опыт, безработица уменьшается: в 2015 г. для младших она составляла 1/3, для молодёжи 20–24 лет 1/7, а для старших – 1/20 группы.

Влияние кризиса 2008 г. не отразилось в статистике безработицы явно и однозначно; это объясняется специфическим характером российского рынка труда. В тяжёлой ситуации предприятия не прибегают к увольнениям, а искусственно сохраняют рабочие места для тех, кто уже работает, путём сокращения рабочей недели, уменьшения оплаты труда и т. п., чтобы не увеличивать в отчётности показатели, считающиеся негативными.

Среди тех, кто по возрасту определённно мог успеть получить профессиональное образование (старшие группы молодёжи), наблюдается чёткая зависимость уровня безработицы от уровня образования: чем он ниже, тем больше риск безработицы; особенно он велик для тех, кто не имеет и основного общего образования (см. таблицу 2). В группе 20–24-летних немало молодых людей, ещё не нашедших своё

¹ Безработные (по методике Международной организации труда) – лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период удовлетворяли одновременно следующим критериям: не имели работы (доходного занятия); занимались поиском работы в течение четырёх недель, предшествовавших неделе проведения обследования, используя при этом любые способы (обращались в государственную или коммерческую службу занятости, использовали или помещали объявления в СМИ, Интернете, непосредственно обращались к администрации предприятия или работодателю, использовали личные связи и т. д. или предпринимали шаги к организации собственного дела); были готовы приступить к работе в течение этой недели. Учащиеся, пенсионеры и инвалиды учитываются в качестве безработных, если они соответствуют одновременно трём критериям: не имеют работы, занимаются поиском работы и готовы приступить к ней.

место на рынке труда; здесь безработных больше, включая тех, кто (это обращает на себя внимание) имеет наиболее ценимые на рынке труда дипломы, — эти молодые люди недавно получили высшее образование и ещё не определились с работой. Также видно, как по мере взросления, переходя к более старшей группе, молодые люди освобождаются от статуса безработных.

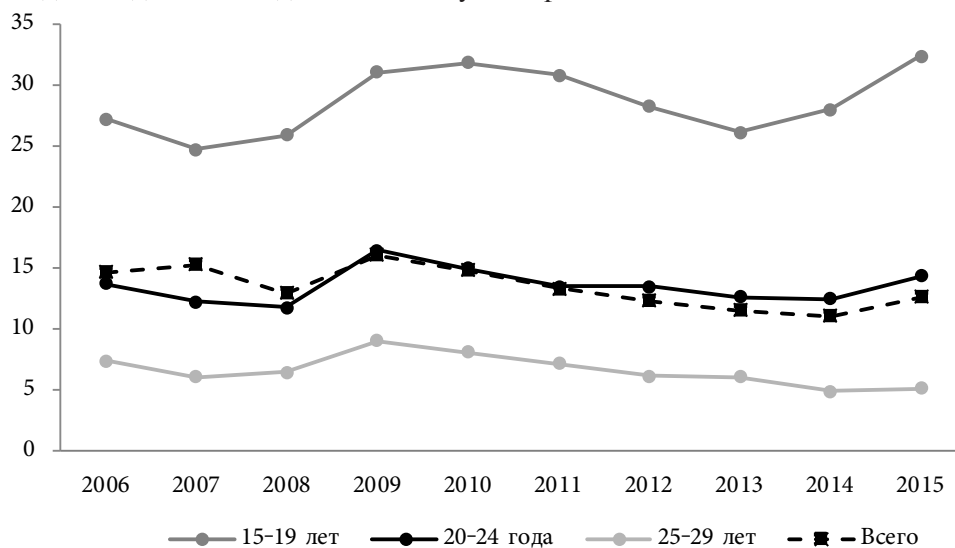

Рис. 5. Уровень безработицы среди молодежи, 2006–2015 гг., в % от численности рабочей силы соответствующих возрастных групп

Источник: [Рабочая сила..., 2016: 115]

Таблица 2

Уровень безработицы среди молодежи по уровню образования в 2015 г., в % от каждого уровня

Уровень образования/квалификации	Возраст, лет	
	20–24	25–29
Не имеют основного общего образования	31,1	29,8
Имеют основное общее образование	20,7	15
Имеют среднее общее образование	18,3	10
Квалифицированные рабочие, служащие	11,3	6,4
Специалисты среднего звена	10,8	4,8
Имеют высшее образование	14,6	4,2

Источник: [Рабочая сила..., 2016: 121].

При анализе причин молодежной безработицы следует учитывать также, что в значительной степени это безработица структурная (как, впрочем, и у старших возрастов). Сфера образования в большой степени ориентируется

не на нужды рынка труда, а на спрос непосредственных потребителей — молодых людей и их родителей. Семьи же получают от рынка труда не вполне верные сигналы, зачастую тонушие в сопутствующих шумах, и интерпретируют их в соответствии со своими представлениями о доступном и должном в образовательной и профессиональной карьере. В итоге — перепроизводство специалистов (либо обладателей дипломов) по одним специальностям и уровням образования, но нехватка по другим, и последующий долгий или порой бесполезный поиск молодыми людьми работы, соответствующей их формальной квалификации. Важна и другая причина структурного характера. Она заключается в низком социальном потенциале вакантных рабочих мест. Молодёжь, окончившая учебные заведения, не желает соглашаться на предлагаемый ей уровень заработной платы, на непрестижную работу; тем самым она предоставляет эти места мигрантам из республик бывшего СССР, увеличивая число безработных. Существенно, что несоответствие формальных дипломов (не обязательно — полагающихся при этом знаний) имеющимся вакансиям, невозможность найти работу, адекватную официальным документам об образовании, и невозможность получить сопутствующие блага порождают неудовлетворённость, разочарование у молодёжи, неверие в социальные институты, а в итоге — растущее недовольство и асоциальное поведение.

В заключение предпримем оценку участия молодёжи в сферах образования и труда как ресурса. Логика современного развития такова, что важной задачей становится поиск ресурсов, которые могут содействовать социальному и технологическому прогрессу, созданию и продвижению инноваций. Природные богатства продолжают быть необходимыми, при этом оказывается важным обладание и другими видами источников роста. С этой точки зрения может быть рассмотрено и социальное поведение молодёжи. Многое в нём, что кажется само собой разумеющимся, заслуживает большего внимания.

Выросшая устремлённость в образовательные организации и реально проявленное массовое присутствие (а точнее, участие) молодёжи в сфере образования обусловлены целым рядом причин. Прежде всего, это причины объективного характера, а среди них — материальные; особенно заметно их действие в стремлении молодых людей к обретению дающих преимущества вузовских дипломов. Ярко проявляются материальные причины и в реалистичном поведении выходцев из «слабых» слоёв, молодых людей, которым необходимо поскорее получить средства к существованию. Но это, конечно, не всё. Образование или диплом (он может быть и не обеспечен качественным образованием) дают статус, возможности для социальной мобильности,

как минимум — возможность занять более или менее комфортное положение на рынке труда (как максимум — достойное и перспективное). Вместе с тем есть и другие причины, более субъективного свойства, но имеющие объективное происхождение. Это, прежде всего, национальная традиция престижа квалифицированных занятий, интеллектуального труда; хотя иерархия привлекательности конкретных профессий изменилась, общая тенденция определённо сохраняется.

Участие молодёжи в национальной экономике, проявляющееся в массовом присутствии (правильнее — в деятельности) на рынке труда, также имеет как материальные причины, так и иные, определяемые ценностями, которые разделяются большинством. Ценности эти так же, как привлекательность занятий, подверглись и подвергаются трансформациям, однако постоянное их воздействие на социальное поведение молодёжи несомненно. Инструментальные мотивы в значительной степени формируют как устремления молодёжи в сфере образования, так и выбор профессиональной траектории. Вместе с тем не только ими детерминируется в целом социальное поведение молодёжи в сферах образования и труда.

Массовое участие молодёжи не может улучшить или ухудшить ситуацию в этих сферах, не им определяются, например, дифференциация вузов, структурный характер безработицы или риски неформальной занятости. Но оно свидетельствует об активности молодёжи в системе образования и на рынке труда, а это само по себе является чрезвычайно важным. Желание или, по крайней мере, готовность и способность включиться в образование и работу, обусловленные разнообразными (порой неоднозначными и противоречивыми) причинами и мотивами, но очевидно проявляющиеся в действии, в социальном поведении, — колоссальный ресурс.

Этот ресурс предоставляет неоценимые возможности для формирования и использования интеллектуального потенциала. Будет ли он шире применён в инновационных отраслях, в наукоёмких производствах или ограничен традиционной деятельностью? Насколько он эффективен сегодня? Как поведёт себя в дальнейшем, будут ли благоприятные обстоятельства способствовать его увеличению или иные обстоятельства — сокращению? Станет ли, со своей стороны, стимулировать сферу образования, другие социальные институты к совершенствованию? Данные, приведённые в статье, представляют этот ресурс как ещё одно огромное богатство, которым обладает наша страна.

Список литературы

Гаспаривили А. Т. Среднее специальное образование в оценках и мнениях выпускников ссузов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2016. № 1. С. 92–110.

Горбунова О. Н., Гегамян М. А. Образование как актуальный компонент человеческого потенциала // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 12 (58). С. 25–28.

Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе (начало) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 3. С. 5–16.

Заславская Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе (окончание) // *Общественные науки и современность*. 2005. № 4. С. 13–25.

Зосимова Л. А., Зайцева И. А., Шуртухина И. В. Человеческий потенциал как основа инновационной экономики // *Актуальные вопросы образования и науки*. 2016. № 1–2 (53–54). С. 103–105.

Иванов О. И. Человеческий потенциал современной российской экономики // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. 15. № 1. С. 140–156.

Индикаторы образования: 2017: статистический сборник / Н. В. Бондаренко, Л. М. Гохберг, И. Ю. Забатурина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2017. 320 с.

Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Интеллектуальный потенциал, инновации и образование // *Социологическая наука и социальная практика*. 2016. Т. 4. № 4. С. 36–60.

Костылева С. Ю., Толмачева Е. В. Роль человеческого потенциала науки в повышении эффективности институциональных реформ высшей школы: выводы для экономической политики // *Вестник ТГУ*. 2015. Выпуск 5 (145). С. 171–177.

Латова Н. В. Средние специальные учебные заведения: журавль в небе или синица в руках? // *Общественные науки и современность*. 2016. № 1. С. 34–46.

Лебединцева Л. А. Особенности инновационного интеллектуального труда и воспроизводства интеллектуального потенциала: опыт России // *Информационное общество*. 2012. Вып. 1. С. 30–36.

Народное хозяйство РСФСР в 1988г. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989. 688 с.

Натхов Т., Полищук Л. Инженеры или юристы? Институты и спрос на высшее образование // *Вопросы экономики*. 2012. № 10. С. 30–51.

Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования [монография] / [Д. Л. Константиновский и др.]. М.: ЦСП и М, 2015. 232 с.

Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2014. 464 с.

Рабочая сила, занятость и безработица в России 2016: Стат. сб. / Росстат. 2016. 146 с.

Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. [Электронный ресурс] // Росстат. Табл. 2.2. Население по возрастным группам, полу и уровню образования. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html (дата обращения: 10.08.2017).

Слободчикова И. В., Боджаева В. В. Интеллектуальный потенциал молодежи как фактор развития экономики региона // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 11–1. С. 199–202.

Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики. Проблема сохранения и развития. М.: Наука, 2007. 202 с.

Титова Е. В. Условия развития интеллектуального потенциала в процессе инновационной деятельности // Вестник экономической интеграции. 2010. № 12(32). С. 22–28.

Труд и занятость в России. 2005: Стат. сб. / Росстат. М., 2006. 502 с.

Человеческий потенциал для инновационной экономики / [С. А. Иванов и др.]; под. ред. С. А. Иванова; ИПРЭ РАН. СПб.: ГУАП, 2011. 188 с.

Шубкин В. Н. Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). М.: Мысль, 1970. 288 с.

Boni A., Gasper D. Rethinking the Quality of Universities: How Can Human Development Thinking Contribute? // Journal of Human Development and Capabilities. 2012. Vol. 13. № 3. August. P. 451–470.

Gylfason T. Natural resources, education, and economic development // European Economic Review. 2001. May. Vol. 45(4–6). P. 847–859.

Konstantinovskiy D. L. Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia) // Higher Education. August 2017. Vol. 74. Is.2. P. 201–220. DOI 10.1007/s10734-016-0043-7.

Landorf H., Doscher S., Rocco T. Education for sustainable human development: Towards a definition // School Field. 2008. Vol. 6. № 2. P. 221–236.

Little A. Development studies and comparative education: context, content, comparison and contributors // Comparative Education. 2000. Volume 36. № 3. P. 279–296.

Shulruf B., Morton S., Goodyear-Smith F., O'Loughlin C., Dixon R. Designing Multidisciplinary Longitudinal Studies of Human Development. Analyzing Past Research to Inform Methodology // Evaluation & the Health Professions. September 2007. Vol. 30. № 3. P. 207–228.

Дата поступления в редакцию: 04.09.2017.

DOI: 10.19181/snsp.2017.5.4.5519

Russian Youth in the Formation and Use of Intellectual Potential¹

The research was supported by the Russian Science Foundation, project № 16-18-10420,

“Continuing education and science intensive productions: institutes and practices of interaction”

Konstantinovskiy David L'vovich

Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of the FACTS RAS.

Krzhizhanovskogo st., 24/35, b. 5, 117218, Moscow, Russia. E-mail: scan21@mail.ru

Abstract. Mass presence of Russian young people in spheres of education and work is considering. It is interpreted as social activity which is an important resource for successful formation and use of intellectual potential; to create an innovative economy without it is impossible. It is shown that the coverage of young people by vocational education has increased significantly. The current level is reached for the first time and indicates the emergence of a new situation, which influence at many aspects of

¹ The publication continues the subject of the article: D L. Konstantinovskiy, E. S. Popova «Intellectual Potential, Innovations, and Education». *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2016. № 4. Vol. 4. P. 36–60. M. N. Goryainova and L. I. Meshkova took part in the preparation of the article.

society's life. The share of young people employed in the labor market has declined somewhat, because the younger and middle age groups receive vocational education. But the level of economic activity of 25–29-year-olds is close to that observed in the population of older ages. The presence of young people in the structure of the workforce is similar. Restructuration of youth employment is discussed. This is one of important changes of labor market in the post-Soviet period. The number of young people in that sectors, where they were primarily employed earlier, has sharply declined. The youth unerringly grasped the changes in the economy, abandoned previous preferences and massively came to more attractive, rapidly developing industries. The problem of informal employment is also considered. The share of informally employed youth practically was not changed in the decade from 2006 till 2015. Attention is drawn to the fact that adolescents from the younger group (15–19 years) were represented there much more often. Data on youth unemployment are given. As in other countries unemployment among Russian youth is higher than in other age groups due to the specificity of the first entry into the labor market, difficulties of self-determination and the lack of coherence between sphere of education and the labor market. It is shown that the level of unemployment depends on the level of education. In general, the data presented in the article confirm the importance of social behavior of young people for the prospects of innovative development.

Keywords: youth, education, intellectual potential, innovative development, labor market.

REFERENCES

Chelovecheskiy potentsial dlya innovatsionnoy ekonomiki. [Human potential for innovative economy]. Ed. by S. A. Ivanov. IPRE RAN. SPb.: GUAP publ., 2011. 188 p. (In Russ.).

Gasparishvili A. T. Sredneye spetsial'noye obrazovaniye v otsenkakh i mneniyakh vypusnikov ssuzov. [Secondary special education in the assessments and opinions of graduates of secondary vocational schools]. *Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya*. 2016. № 1. P. 92–110. (In Russ.).

Gorbunova O. N., Gegamyan M. A. Obrazovaniye kak aktual'nyy komponent chelovecheskogo potentsiala. [Education as an actual component of human potential]. *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy*. 2013. № 12 (58). P. 25–28. (In Russ.).

Ivanov O. I. Chelovecheskiy potentsial sovremennoy rossiyskoy ekonomiki. [Human potential of modern Russian economy]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 2012. Vol. 15. № 1. P. 140–156. (In Russ.).

Indikatoriy obrazovaniya. [Indicators of education]. 2017: statisticheskiy sbornik. Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: NIU VSHE publ., 2017. 320 p. (In Russ.).

Konstantinovskiy D. L., Popova E. S. Intellektual'nyy potentsial, innovatsii i obrazovanie. [Intellectual Potential, Innovations, and Education]. *Sociologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. 2016. № 4. Vol. 4. P. 36–60. (In Russ.).

Kostyleva S. Yu., Tolmacheva Ye. V. Rol' chelovecheskogo potentsiala nauki v povyshenii effektivnosti institutsional'nykh reform vysshey shkoly: vyvody dlya ekonomicheskoy politiki. [The role of scientific human potential in improving the effectiveness of institutional reforms in higher education: conclusions for economic policy]. *Vestnik TGU*. 2015. Vypusk 5 (145). P. 171–177. (In Russ.).

Latova N. V. Sredniye spetsial'nyye uchebnyye zavedeniya: zhuravl' v nebe ili sinitsa v rukakh? [Secondary special educational institutions: a crane in the sky or a bird in the hand?]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2016. № 1. P. 34–46. (In Russ.).

Lebedintseva L. A. Osobennosti innovatsionnogo intellektual'nogo truda i vosproizvodstva intellektual'nogo potentsiala: opyt Rossii. [Features of innovative intellectual work and the reproduction of intellectual potential: the experience of Russia]. *Informatsionnoye obshchestvo*. 2012. Vyp. 1. P. 30–36. (In Russ.).

Narodnoye khozyaystvo RSFSR v 1988 g. [The national economy of the RSFSR in 1988]. Stat. yezhegodnik. M., Finansy i Statistika. 1989. 688 p. (In Russ.).

Natkhov T., Polishchuk L. Inzhenery ili yuristy? Instituty i spros na vyssheye obrazovaniye. [Engineers or lawyers? Institutes and demand for Higher Education]. *Voprosy ekonomiki*. 2012. № 10. P. 30–51. (In Russ.).

Novyye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya (monografiya). [New meanings in the educational strategies of youth: 50 years of research (monograph)]. M.: TSSP i M publ., 2015. 232 p. (In Russ.).

Obrazovaniye v Rossiyskoy Federatsii. [Education in Russian Federation] 2014: statisticheskiy sbornik. Moskva: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki» publ., 2014. 464 p. (In Russ.).

Rabochaya sila, zanyatost' i bezrabortitsa v Rossii: 2016. [Labor force, employment and unemployment in Russia]: 2016: Stat. sb. Rosstat publ., 2016. 146 p. (In Russ.).

Svodnyye itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda. Tabl. 2.2. [Consolidated results of the national census 2010. Tabl. 2.2.] Naseleniye po vozrastnym gruppam, polu i urovnyu obrazovaniyao [Population by age group, sex and level of education]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/vol11pdf-m.html (data obrashcheniya: 10.08.2017). (In Russ.).

Slobodchikova I. V., Bodzhayeva V. V. Intellektual'nyy potentsial molodezhi kak faktor razvitiya ekonomiki regionao [Intellectual potential of youth as a factor in the development of the region's economy]. *Fundamental'nyye issledovaniya*. 2015. № 11–1. P. 199–202. (In Russ.).

Soboleva I. V. *Chelovecheskiy potentsial rossiyskoy ekonomiki. Problema sokhraneniya i razvitiya*. [Human potential of Russian economy. The problem of preservation and development]. M.: Nauka publ., 2007. 202 p. (In Russ.).

Titova Ye. *Vsloviya razvitiya intellektual'nogo potentsiala v protsesse innovatsionnoy deyatel'nosti*. [Conditions for development of Intellectual Potential in the Process of Innovation Activity]. *Vestnik ekonomicheskoy integratsii*. 2010. № 12 (32). P. 22–28. (In Russ.).

Trud i zanyatost' v Rossii: 2005. [Labor and employment in Russia]: 2005: Stat. sb. M.: Rosstat publ., 2006. 502 p. (In Russ.).

Shubkin V. N. *Sotsiologicheskiye opyty (Metodologicheskiye voprosy sotsial'nykh issledovaniy)*. [Sociological experiments (Methodological issues of social research)]. M.: Mysl' publ., 1970. 288 p. (In Russ.).

Zaslavskaya T. I. *Chelovecheskiy potentsial v sovremennom transformatsionnom protsesse (nachalo)*. [Human potential in the modern transformation process (beginning)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2005. № 3. P. 5–16. (In Russ.).

Zaslavskaya T. I. *Chelovecheskiy potentsial v sovremennom transformatsionnom protsesse (okonchaniye)*. [Human potential in the modern transformation process (ending)]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. 2005. № 4. P. 13–25. (In Russ.).

Zosimova L. A., Zaytseva I. A., Shurtukhina I. V. *Chelovecheskiy potentsial kak osnova innovatsionnoy ekonomiki* [Human potential as a basis of innovative economy]. *Aktual'nyye voprosy obrazovaniya i nauki*. 2016. № 1–2 (53–54). P. 103–105. (In Russ.).

Boni A., Gasper D. Rethinking the Quality of Universities: How Can Human Development Thinking Contribute? // *Journal of Human Development and Capabilities*. 2012. Vol. 13. № 3. August. P. 451–470.

Gylfason T. Natural resources, education, and economic development // *European Economic Review*. 2001. May. Vol. 45(4–6). P. 847–859.

Konstantinovskiy D. L. Expansion of higher education and consequences for social inequality (the case of Russia) // *Higher Education*. August 2017. Vol. 74. Is.2. P. 201–220. DOI 10.1007/s10734-016-0043-7.

Landorf H., Doscher S., Rocco T. Education for sustainable human development: Towards a definition // *School Field*. 2008. Vol. 6. № 2. P. 221–236.

Little A. Development studies and comparative education: context, content, comparison and contributors // *Comparative Education*. 2000. Volume 36. № 3. P. 279–296.

Shulruf B., Morton S., Goodyear-Smith F., O’Loughlin C., Dixon R. Designing Multidisciplinary Longitudinal Studies of Human Development. Analyzing Past Research to Inform Methodology // *Evaluation & the Health Professions*. September 2007. Vol. 30. № 3. P. 207–228.

Date received by 04.09.2017.

